

Никольская Т.К.

Санкт-Петербургский Христианский Университет
190020, Россия, г. Санкт-Петербург, Нарвский пр., 13-Б
niktk@spbcu.ru

Повседневная жизнь «сектантов» в советском художественном кино

Аннотация. В советском антирелигиозном кино особое внимание уделялось теме сектантства (при этом сам термин оставался не определённым). «Сектанты» фигурируют в 7 из 12 полнометражных антирелигиозных художественных фильмов, снятых в период хрущёвской антирелигиозной кампании. Фильмы с участием «сектантов» появлялись и в последующие годы. Их религиозная жизнь изображалась таким образом, чтобы зрители чувствовали брезгливость, неприятие или ужас (например, фильм «Тучи над Борском» показывает попытку распять девушку). Вместе с тем, остаётся вопросом, насколько объективно выглядит в тех же фильмах повседневность сектантов. В данной статье рассматриваются парадигмы поведения сектантов – персонажей советского кино на работе или в школе, их семейные отношения, а также досуг. Согласно советским фильмам о религиозных сектах, большинство сектантов работают или учатся, добросовестно исполняя свои обязанности. Исключение составляют неработающие служители – фанатики или циничные обманщики, использующие религию в своих целях. По разным мотивам одни сектанты (в основном мужчины) скрывают свою веру, другие (в основном девушки и женщины) говорят о ней открыто. В личной жизни многие сектанты одиноки. Но если верующие пожилого и среднего возраста привыкли к своему положению, то молодёжь мечтает о любви и счастье. Любовь девушки-сектантки к мужчине-атеисту – распространённый сюжет антирелигиозных фильмов. Свободное время сектанты проводят согласно своим обычаям и правилам, отражающим их реальную субкультуру советской эпохи. Таким образом, несмотря на элементы гротеска, повседневная жизнь сектантов показана в фильмах относительно объективно и мало отличается от жизни неверующих советских людей (за исключением досуга).

Ключевые слова: советское антирелигиозное кино, сектанты, баптисты, пятидесятники, христоверы (хлысты), Свидетели Иеговы, повседневная жизнь сектантов, работа сектантов, учёба сектантов, семейные отношения сектантов, досуг сектантов

Tatiana K. Nikolskaya

St. Petersburg Christian University
13-B Narvsky pr., St. Petersburg, 190020, Russia
niktk@spbcu.ru

Everyday Life of “Sectarians” in Soviet Fictional Films

Abstract. In the Soviet antireligious cinematography, special attention was given to the theme of sectarianism (however, this term remained rather vague). During the period of the Khrushchev antireligious campaign, 12 full-length films were made, and sectarians appeared in 7 of them. In the following years, the films having “sectarians” as characters were also made. Religious life of the Sectarians was shown in a way the viewers felt disgust, rejection or horror (for example, there is an episode with sectarians attempting to crucify a young woman in “Tuchi nad Borskom” (“Clouds over Borsk”). At the same time, it remains unclear how objective the everyday life of sectarians appears in the same films. This article discusses the behavior paradigms of sectarians – the characters of Soviet cinema – at work or school, their family relationships and their leisure. According to the Soviet films on religious sects, most of the sectarians honestly fulfill their civil duties, while working or studying. Contrary to these, the full-time ministers are pictured as fanatics or cynical deceivers, who use religion for their own purposes. For various reasons, some sectarians (mostly male) hide their faith, while others (mostly female) speak about their religious views openly. Many sectarians are single. Yet if the elderly and the middle-aged believers are accustomed the situation, the younger ones dream of love and happiness. Romantic love of a sectarian girl to an atheist man is a common plot in antireligious films. In the films, sectarians spend their free time according to their customs and rules, which is quite realistic reflection of their subculture in the Soviet era. Thus, despite some grotesque elements, the everyday life of the Soviet sectarians is shown rather honestly and hardly differs from the life of unbelieving Soviet people (with the exception of leisure).

Key words: Soviet antireligious films, sectarians, Baptists, Pentecostals, Khristovers (Khlysty), Jehovah's Witnesses, everyday life of sectarians, work of sectarians, education of sectarians, family relations of sectarians, leisure of sectarians

На протяжении всего советского периода официальная пропаганда в СССР уделяла особое внимание борьбе с религией. Атеистическое воспитание советских людей начиналось в детских садах, школах, других детских учреждениях и продолжалось практически на всех этапах жизни. Антирелигиозной пропагандой активно занималось Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний (Общество «Знание»), созданное в 1947 г. взамен упразднённого Союза воинствующих безбожников. Атеизм насаждался с помощью школьных уроков, учебных и популярных лекций, бесед, публикаций в центральных и местных СМИ, научно-популярной и художественной литературы, музейных экспозиций, выставок, экскурсий, альтернативных праздников и ритуалов – таких, как свадебные церемонии, гражданские панихиды и т.п. Таким образом, различными формами антирелигиозной пропаганды было охвачено практически все население Советского Союза.

Не оставался в стороне и кинематограф. Расцвет антирелигиозного кино приходится на время т.н. Хрущёвской антирелигиозной кампании (конец 1950-х – середина 1960-х гг.). Хотя практически она была направлена против *всех* религий и конфессий, идеология того времени носила ярко выраженный антисектантский характер. Да и само понятие «сектанты» приобрело более отрицательное звучание по сравнению с термином «церковники». При этом в пропагандистском контексте его смысл оставался неопределённым: сюда могли отнести и старые секты русского происхождения (вроде христоверов/хлыстов или молокан), и конфессии русского протестантизма (евангельских христиан, баптистов, пятидесятников, адвентистов седьмого дня), и любые малоизвестные в СССР религиозные движения (например, Свидетелей Иеговы¹). По этой причине в статье будут рассматриваться «сектанты» в подобном широком понимании.

В 1959–1965 гг. разными киностудиями страны были сняты, по меньшей мере, 12 полнометражных художественных картин, связанных с религией: из них 3 – о православных («Чудотворная», «Все остаётся людям», «О чем молчала тайга»), 1 – о католиках («Обманутые»), 1 – об униатах («Иванна»), 3 – о пятидесятниках («Гучи над Борском», «Грешница», «Цветок на камне»), 2 – о Свидетелях Иеговы («Люблю тебя, жизнь!», «Армагеддон»), 2 – о сектантах непонятного культа («Жили были старик со старухой», «Конец света» – в последнем присутствуют также и православные). Интересно, что в этот период не появилось ни одной картины о баптистах – представительях крупнейшей в СССР протестантской конфессии (более 300 тысяч членов церкви²). Между тем, не столь многочисленные пятидесятники (50–60 тысяч³) и Свидетели Иеговы (в 1956 г. – немногим более 17 тысяч [Иваненко, 2002, 119–120]) фигурировали почти в половине названных картин. Очевидно, такой «перегиб» объясняется тем, что, в отличие от евангельских христиан-баптистов, Свидетели Иеговы и пятидесятники (за исключением тех, кто вошёл в церковь ЕХБ на условиях Августовского соглашения⁴) имели статус запрещённых организаций, не подлежавших регистрации, и считались особо опасными. Кроме того, деятельность подпольных сект, окутанная ореолом таинственности, смотрелась на экране более интригующе и даже пугающе, чем жизнь «обычных» верующих.

Сектанты присутствуют и в фильмах более позднего периода: «По тонкому льду» («Мосфильм», 1966), «Тени исчезают в полдень» («Мосфильм», 1970–1971), «У призраков в плену» (Киностудия им. Александра Довженко, 1984), «Тихая застава» («Молдова-фильм», 1985) и других.

Перечисленные картины относятся к разным жанрам. Например, в мелодраме «Грешница» («Мосфильм», 1962) по одноимённой повести Николая Евдокимова Ксения, девушка из пятидесятнической семьи, вынуждена делать выбор между любимым парнем-атеистом и навязанным родителями верующим женихом. Нечто подобное, только без верующего жениха, происходит в фильме «Армагеддон» («Молдова-фильм», 1962), где любовную историю дополняет религиозно-политическая интрига.

га. В комедии «Конец света» (Киностудия им. Горького, 1962) некий старец Филин состязается с молодым образованным священником отцом Михаилом в переманивании на свою сторону верующих села Опёнки. 7-серийный телефильм-сага «Тени исчезают в полдень» по одноимённому роману А.С. Иванова повествует о судьбах нескольких поколений сибиряков – жителей деревни Зелёный Дол. В 5–7 сериях, где действие происходит в послевоенные годы, группа женщин во главе с пожилой колхозницей Пистимеей Морозовой собирается в молитвенном доме неназванного культа (в романе указано, что была община баптистов [Иванов, 1986, 37–38]). В детективе «По тонкому льду» чекисты допрашивают баптистку Кулькову, в доме которой произошло убийство. В приключенческой мелодраме «Тихая застава» пограничники преследуют нарушителя – военного преступника, что «долгое время скрывался в антисоветски настроенных сектах». Судя по его намерению добраться до Бруклина и словам: «У меня перед центром иеговистов свои заслуги есть», нарушитель принадлежал к организации Свидетелей Иеговы. Но чаще главными персонажами-сектантами выступают не представители старшего поколения, а молодые девушки: Оля («Тучи над Борском»), Ксения («Грешница»), Мария («У призраков в плену»), Груня («Люблю тебя, жизнь!»), Наталица («Армагеддон») и др.

Практически все названные картины сделаны на хорошем профессиональном уровне и до сих пор привлекают внимание зрителей. В той или иной степени они отражают представления советских людей о «сектантах» – их мировоззрении, повседневной жизни, правилах и традициях, а также существовавшие тогда антирелигиозные идеологические стереотипы.

В советском кино, как и в антирелигиозной литературе, распространённым приёмом было контрастное противопоставление двух миров – верующих и атеистов. Если советская жизнь изображалась на экране подчёркнуто яркой, кипучей, полной позитивного оптимизма, то мирок сектантов выглядел мрачным и страшноватым. Нередко эпизоды с их участием снимались в полутёмных тонах. Так, в фильме «Тучи над Борском» («Мосфильм», 1961) окно в комнате семьи Саенко заставлено цветами (это обстоятельство подчёркнуто и в киноповести⁵), сектантские собрания проходят в мрачном амбаре. В картине «Люблю тебя, жизнь!» («Ленфильм», 1960) окно в квартире свидетелей Иеговы также наполовину скрыто комнатными цветами, а проповедь «слуги» Терентия («слугами» называли служителей организации [Рекемчук, 1958, 31]) звучит в полутьме (зритель видит лишь очертания кухни и приоткрытую дверь в комнату). В фильме «Армагеддон» большинство эпизодов, показывающих жизнь советских колхозников, сняты при ярком солнечном свете (сбор винограда, игры детей, свадьба и т.д.), тогда как свидетели Иеговы общаются между собой либо в полутёмной хате, либо в тайных помещениях (подпол, чердак), либо в сумерках. Лишь встреча американского резидента со «старшим братом», руководителем местных Свидетелей Иеговы, происходит в солнечный день возле реки, где плещутся ребятишки. Возможно, авторы хотели подчеркнуть этим эпизодом, что лидеры организации, в отличие от рядовых верующих, не отказывали себе в солнечном свете и других радостях.

По сравнению с остальными картинами наибольшая концентрация антирелигиозной «чернухи» собрана в фильме «Тучи над Борском». Можно предположить, что в планах идеологической кампании ему отводилось особое место. Картина снималась на киностудии «Мосфильм», считавшейся лучшим в СССР творческим кинообъединением. К работе были привлечены выдающиеся профессионалы того времени: сценаристы Семён Лунгин и Илья Нусинов, режиссёр-постановщик Василий Ордынский, оператор Игорь Слабневич, композитор Алексей Муравлев, талантливые молодые актёры Инна Гулая (Оля), Наталья Антонова (Кира Сергеевна), Владимир Ивашов (Генка), Инна Чурикова (Райка), Роман Хомятов (Митя) и др. Примечательно, что фильм вышел в широкий кинопрокат в апреле 1961 г. [Звезда, 1961, 4], незадолго до показательного суда над московскими пятидесятниками в г. Дрезна Московской области. Таким образом, картина не только послужила образцом советского антирелигиозного кино, но и эмоционально подготовила общественное мнение к восприятию громкого судебного процесса, где фигурировало обвинение в попытке ритуального убийства [Подробнее об этом процессе см.: Федотов, 2006, 84–110].

В фильме «Тучи над Борском» сектанты изображены не просто слепыми фанатиками или коварными, двуличными лжецами, умело вовлекающими в свои сети доверчивых людей, а опасными для общества религиозными изуверами. Их моления выглядят подчеркнуто гротескно. Некоторые эпизоды (например, обряд «крещения Духом Святым») способны вызвать ужас у зрителей, а в финале сектанты едва не приносят в жертву юную героиню фильма Олю Рыжкову. Остаётся загадкой, почему авторы сценария С.Л. Лунгин и И.И. Нусинов, успешные, талантливые писатели, не побрезговали выдвинуть обвинение в ритуальном убийстве, чего не сделал больше ни один советский киносценарист (причём «отыгрались» авторы на самой беззащитной части верующих). Писательница И.И. Емельянова высказала такое мнение: «Это был типичный фильм периода “оттепели”, когда для человека, понимающего все привходящие условия, за сказанным вставал и второй, недосказанный авторами план. Конечно, так бы фильм не прошёл – в конце его пятидесятники пытаются девушку распять, её спасают, она покидает секту. Но ведь ясно, что это – для цензуры!» [Емельянова, 1997, 354]. Судя по этой реплике, литераторы и их окружение воспринимали клевету как неизбежную и вполне извинительную уступку советской цензуре, а успех фильма ставили выше доброго имени тысяч верующих. Позднее сценарист С. Лунгин с оттенком гордости вспоминал, что при съёмках эпизода распятия участники массовки настолько «вжились» в созданную для них сюрреалистическую атмосферу, что впали в транс и не сразу вышли из него по окончании съёмки: «Мы все словно оцепенели, таким невероятным и безусловным было состояние, охватившее непонятно почему всех участников съёмки. Я думаю, что таким вот, скорее всего, бывало психическое состояние толпы во время шаманских камланий. Толпа, издавая какие-то невнятные агрессивные звуки, топталась на коленях у запёртых ворот амбара, бессмысленно раскачиваясь из стороны в сторону. Они уже не пели, хотя запись хора все лилась и лилась сверху. Они рычали и скрежетали зубами...» [Лунгин, 1989, 95].

Конфессиональная принадлежность сектантов в фильме не названа – видимо, для того, чтобы представить зрителям обобщённый образ, не концентрируясь на отдельной конфессии. Вместе с тем, очевидно, что здесь фигурируют пятидесятники: они молятся «на языках», активистка общины Меланья считается пророчицей... В опубликованной киноповести авторы более конкретны. На собрании сектантов тётка Мити, комментируя чтение Деяний святых Апостолов⁶, объясняет Оле: «Все вместе <...> Как и мы. Видишь? В честь чего и зовёмся пятидесятниками» [Лунгин, Нусинов, 1966, 32].

Хотя название картины «Тучи над Борском» напрямую не связано с религиозной темой, оно настраивает зрителей на тревожное ожидание чего-то зловещего. По мере развития сюжета опасность как бы сгущается над героями, подобно грозным тучам – вплоть до жуткого финала. В других антирелигиозных картинах тема ритуального убийства отсутствует, однако почти все эпизоды, связанные с религиозной жизнью сектантов, сняты таким образом, чтобы вызвать у зрителей брезгливость, отторжение или ужас. Маленькая Веруца гибнет по вине иеговистского «старшего брата» («Армагеддон»). Пятидесятнический пресвитер Заброта призывает юношу Арсена Загорного, впервые посетившего молитвенное собрание, «отдать Господу Богу каплю крови», положив палец руки «под священный топор» («Цветок на камне» – Киевская киностудия им. А.П. Довженко, 1962). Пистимея Морозова насильно заставляя дочь Варю часами, до иступления молиться⁷ («Тени исчезают в полдень») и т.д. Вместе с тем возникает вопрос, насколько объективно выглядят в тех же фильмах повседневность и быт сектантов. Рассмотрим поочерёдно парадигмы поведения этих персонажей на работе или в школе, их семейные отношения, а также досуг.

Работа или учёба

В советских фильмах рядовые сектанты молодого и среднего возраста обычно где-то работают, а дети и подростки – учатся в школе. Как правило, профессии этих персонажей (рабочие или сельскохозяйственные) не требуют высокой квалификации, а их поведение на работе выглядит вполне обычным. Ксения, героиня фильма «Грешница», трудится на колхозной ферме. Колхозниками являются Домни-

ка и Наталиса, мать и дочь из фильма «Армагеддон», вдова Матрёна и её подруги («Конец света»), семья Морозовых («Тени исчезают в полдень»). Если же действие происходит в городе, то сектанты в большинстве случаев тоже заняты физическим трудом. Так, Груня – молодая свидетельница Иеговы – работает на кондитерской фабрике в Ленинграде («Люблю тебя, жизнь!»), а пятидесятница Христина – на строительстве шахты в Донбассе («Цветок на камне»). Сектанты трудятся честно и добросовестно (порой лучше неверующих коллег), однако без увлечённости. Их главные жизненные ценности (вера в Бога, принадлежность к общине) находятся за пределами колхозных полей, ферм и заводских цехов. Сектанты вполне удовлетворены своим статусом и не стремятся повысить квалификацию или освоить более интересную профессию. Вместе с тем, по крайней мере, для части верующих труд имеет более высокий смысл, чем простое добывание денег. Работа связывает их с советской жизнью и вообще с окружающим миром, а честное исполнение трудовых обязанностей является частью их христианской этики. Кроме того, общение с неверующими людьми помогает сектантам искать новых последователей. Так, в фильме «Тучи над Борском» тётка Мити не без успеха проповедует о Боге, работая страховым агентом. Груня, по научению «слуги» Терентия, пытается вовлечь в организацию Свидетелей Иеговы фабричных работниц («Люблю тебя жизнь!»). Аналогичное «задание» даёт Христине верующий отец перед отъездом дочери в Донбасс: «Там трудно будет, но где трудно, там души к Богу тянутся. Хорошо поработаешь, примером всем будешь, друзьями обростёшь надёжными, верными...» («Цветок на камне»).

Иначе показаны на работе сектанты-мужчины. В фильме «Грешница» Михаил, верующий жених Ксении, в отличие от Груни или Христины, не стремится приобщать к вере товарищей по работе. Он специально выбрал место гардеробщика в ресторане, более подходящее для пожилого человека, чем для молодого парня: там можно не выкладываться, ни с кем не сближаться, а спокойно изучать Библию или наблюдать за людьми. При этом Михаил не лентяй или белоручка – он умеет вкусно готовить, печь пирожки, выполнять «мужские» работы по дому. Но делает он это только для себя или ради своих личных интересов (в частности, чтобы угодить семье будущей невесты). Подобным образом держится и пресвитер Заброта, работающий библиотекарем на книгобазе («Цветок на камне»). Он скрывает от окружающих свою веру, даже предлагает читателям антирелигиозную литературу о православных и иеговистах. Когда же у него просят книгу о пятидесятниках, Заброта отказывается под предлогом, что об этом «ничего не пишут». Уклончиво держится с посторонними и «слуга» Терентий («Люблю тебя, жизнь!»).

Митя Саенко («Тучи над Борском») – едва ли не единственный сектант из советского кино, имеющий шансы высоко подняться по «социальной лестнице». Он заканчивает среднюю школу и может поступить в институт, поскольку неплохо учится, не создаёт проблем педагогам, разве что держится в стороне от одноклассников. Подобно Заброте, Митя держит в тайне свою веру в Бога и принадлежность к пятидесятнической общине. Лишь убедившись в преданности Оли, он открывает девушке свой секрет и вводит в круг единоверцев. При этом в школе Митю по-прежнему считают обычным подростком⁸.

Володя-сектант, персонаж фильма Григория Чухрая «Жили были старик со старухой» («Мосфильм», 1964), – человек иного типа. Он открыто исповедует свою веру и не может найти официальное трудоустройство из-за отказа работать в субботу и воскресенье. Вместо этого он ходит из дома в дом, помогает жильцам по хозяйству (рубит дрова, таскает воду и т.п.), за что получает деньги или еду. Володя трудолюбив, старателен, не гнушается никакого дела, терпеливо переносит насмешки окружающих – жителей запольного посёлка. Лишь Григорий Иванович, главный герой картины, сумел увидеть в парне положительные черты: готовность трудиться на любом месте, честность, принципиальность. Отправляясь в дальнее стойбище лечить оленей, он берёт Володю помощником и на возражения местного ветеринара отвечает: «Этот парень за пять дней наработает больше, чем другой за десять». Совместная работа и общение с Григорием Ивановичем не делают Володю атеистом, но помогают ощутить в себе дар к чему-то более значимому, достойному, чем прозябание на случайных заработках. С другой стороны, старик молчаливо при-

нимает упрёк парня, что нельзя бросаться такими обвинениями, как «провокаатор» и «шпион» (этими словами Григорий Иванович сгоряча обозвал Володю при первой встрече).

Что же касается пожилых сектантов, то они нередко ведут подсобное хозяйство (например, родители Ксении из «Грешницы»), сдают жильё квартирантам. В фильме «Тучи над Борском» молодая учительница Кира Сергеевна снимает комнату в доме руководителя пятидесятнической общины Артемия Николаевича Витых. В двухсерийной картине «По тонкому льду» среди эпизодических персонажей фигурирует старуха-баптистка Кулькова. Можно предположить, что когда-то эта женщина имела семью и материальный достаток. От прошлого у неё остался просторный дом, где она ведёт одинокую жизнь с кошкой Барсиком, а чтобы прокормиться, сдаёт жильцам свободные комнаты. Интересно, что в одноимённом романе Георгия Брянцева, по которому снят фильм, Олимпиада Гавриловна Кулькова является не баптисткой, а «вербовщицей» из секты хлыстов (христоверов), в прошлом осуждённой на 5 лет за вредительство и убийство двух новорождённых близнецов [Брянцев, 1991, 63]. Видимо, авторы фильма, снятого уже после антирелигиозной кампании, сознательно не хотели нагнетать ситуацию, убрав из сценария тему религиозного изуверства.

В фильме Кулькова, беспокоясь о своей кошке, заглядывает в комнату квартирантки Ларисы Бруснецовой и обнаруживает её труп. Баптистская вера хозяйки усиливает подозрения следователей, хотя на протяжении допроса старуха произносит лишь одну религиозную фразу – «Креста на вас нет!» в адрес вызвавших её чекистов. И вообще пожилую женщину больше волнует оставшаяся дома голодная кошка, чем найденный труп или даже вызов в НКВД. Как в книге, так и в фильме чекисты, несмотря на раздражение, признают Кулькову невиновной и отпускают домой к Барсику.

Наконец, в ряде фильмов присутствует ещё одна категория сектантов – нигде не работающие служители, живущие на пожертвования верующих. В некоторых случаях ими движет искренний фанатизм, готовность посвятить жизнь Богу (таковы, например, Тома и Арсене из фильма «Армагеддон»). Но чаще эти циничные проходимцы используют религию для сокрытия тёмного прошлого и безбедного существования в настоящем – как, например, старец Филин («Конец света»), «старший брат» («Армагеддон») или нарушитель границы («Тихая застава»).

Семейные отношения

В советских фильмах приход человека в религиозную секту нередко связан с пережитым горем, несложившейся личной жизнью или потерей близких. Персонажи среднего и пожилого возраста часто бывают одинокими. Так, вдова Клавдия Никулина, потеряв на войне мужа, которого проводила на фронт в день свадьбы, пошла в молитвенный дом, поддавшись уговорам верующей свекрови («Тени исчезают в полдень»). Для Матрёны из «Конца света» утешением служит надежда встретить в раю погибшего на фронте сына. Одинокими людьми являются тётка Мити, «слуга» иеговистов Терентий, баптистка Кулькова, хотя причины их одиночества в фильмах не объясняются.

Но, даже если сектанты имеют полную семью, в ней так или иначе присутствует лицемерие. Например, отец Ксении («Грешница») из жадности убивает старого добродушного пса Дармоеда, на которого «харчи даром переводили» (в повести эта сцена отсутствует⁹), насильно выдаёт дочь замуж за нелюбимого человека... Для Пистимей Морозовой («Тени исчезают в полдень») муж Устин изначально был не близким, любимым человеком, а, скорее, соратником по борьбе. Оба они – дети состоятельных купцов, потерявшие во время революции родителей и богатство, много лет скрывались под чужими именами и мстили исподтишка окружающим людям за свой жизненный крах. Когда в 7-й серии Устин, боясь разоблачения, застрелился, Пистимея лишь облегчённо вздохнула, что ей не надо «брать грех на душу» (в романе она перед бегством сама отравила мужа [Иванов, 1986, 551–552]). В «Армагеддоне» вдова Домника и Тома – мужчина средних лет, потерявший во время бомбёжки всю семью, нашли утешение друг в друге. У них родилась дочь Веруца. Однако, сделавшись под влиянием Домники «служгой Иеговы», Тома перешёл на нелегальное

положение. Вместо семейной жизни он лишь тайно посещает Домнику, а их дочь вообще не знает отца. Тоскует по оставленной семье и другой «брат»-нелегал – Арсене.

Что же касается молодых сектантов, то многие из них не имеют родителей или выросли в неполной семье. Оля Рыжкова («Тучи над Борском») рано лишилась матери, да и отец – главный инженер, полностью погруженный в производственные дела, почти не обращает внимания на дочь. Одноклассник Митя, тайный сектант, в которого влюблена Оля, – круглый сирота, воспитанный фанатичной тёткой. По разным причинам без отцов остались обе дочери Домники («Армагеддон»). Груня, потеряв родителей во время блокады, была увезена в Закарпатье и воспитана свидетелями Иеговы («Люблю тебя, жизнь!»). Сиротой остался и её маленький друг Егорка, внук иеговистского служителя. Правда, в конечном итоге судьба мальчика складывается удачнее, чем у многих советских сирот: молодой инженер Тимофей Корнеев забирает мальчика у опекуна Терентия, но не отправляет в детский дом, а приводит в свою семью.

Молодые сектанты, как правило, мечтают о любви и семейном счастье. Но их верующая родня относится к этому по-разному. Домника, видимо, в ожидании скорого Армагеддона вовсе не заботится о замужестве дочери, тогда как тётка Мити одобряет дружбу племянника с Олей. И хотя жениться ему ещё рано, можно понять, что тётка заранее приглядывается к девушке (правда, изуверское «испытание» – распятие – практически не оставляет Оле шансов выжить). А отец Христины, не спрашивая о чувствах дочери, сразу благословляет её стать женой пресвитера Заброды.

Родители Ксении находят дочери жениха, руководствуясь не столько её желанием, сколько религиозными правилами (он должен быть верующим) и одобрением пресвитера. Жених Михаил тоже не испытывает к невесте особой любви. Скорее, он движим расчётом найти для брака подходящую верующую девушку (брачные знакомства по переписке или церковной рекомендации действительно практиковались среди русских протестантов – особенно там, где в общинах было мало молодёжи). Узнав о Ксении из письма тётки, Михаил приезжает свататься из далёкой Сибири. Родственники молодой пары и пресвитер пятидесятнической общины по разным причинам заинтересованы в этом браке. Между тем, самой Ксении приглянулся вернувшийся из армии неверующий шофёр Алексей. Девушка разрывается между верой в Бога, чувством долга перед родителями и первой любовью. В повести Н. Евдокимова насильно выданная замуж Ксения убегает от ненавистного мужа и кончает жизнь самоубийством, бросившись с обрыва в озеро [Евдокимов, 1985, 94]. Авторы фильма смягчили финал, где Ксения останавливается над обрывом и, опустившись на землю, рыдает.

Любовь верующей девушки к мужчине-атеисту или любовный треугольник, когда на чувства девушки претендуют сразу двое (верующий и атеист), – едва ли не самый распространённый сюжет антирелигиозных картин. История любви неверующего парня Ивана и девушки-пятидесятницы Марии показана в фильме «У призраков в плену» (согласно титрам, он снят по мотивам повести Владимира Кашина «Чужое оружие», хотя в действительности сходство детектива В. Кашина с «экранизацией» состоит лишь в именах некоторых персонажей и присутствии в сюжете хлыстов). Оля Рыжкова приглянулась не только Мите, но и комсомольцу Гене Бочарникову, который в конечном итоге спасает её от гибели («Тучи над Борском»). В фильме «Цветок на камне» за красавицей Христиной ухаживают комсомолец Арсен (он даже соглашается пойти с ней на собрание пятидесятников) и пресвитер Заброда, мужчина средних лет. Последний привлекает на свою сторону отца девушки, а её соблазняет шкатулкой с драгоценностями, где Христина видит свой крестик, пожертвованный Богу. «Слуга» иеговистов Терентий (Люблю тебя, жизнь!), не претендует на брак с Груней, но по-родственному опекает её, дарит модные туфли, а в конце фильма пытается увезти в Закарпатье. В каком-то смысле он выглядит соперником молодому рабочему Жене: тот ухаживает за девушкой и одновременно пытается увести её от Свидетелей Иеговы. В финале Груня, разочаровавшись в религии, снимает подаренные Терентием туфли и бросает их рядом с ненужными журналами «Башня стражи».

Несколько иначе показана судьба верующей девушки Варвары Морозовой в сериале «Тени исчезают в полдень». Варя переживает мучительные сомнения, когда мать запретила ей встречаться и тем более вступить в брак с односельчанином Его-

ром Кузьминым. В итоге она сбегает из дому и выходит замуж. Однако, в отличие от других фильмов с подобным сюжетом, в сериале ничто не указывает на отречение Варвары от религии. Зритель может решить на своё усмотрение, стала ли Варвара атеисткой или просто нашла счастье с неверующим мужчиной (тем более что тот с уважением и без насмешек воспринял её религиозность).

Досуг

Свободное время сектанты используют согласно своим приоритетам (вера и служение Богу). Независимо от конфессиональной принадлежности они следуют примерно одинаковым церковным и бытовым правилам: не пьют, не курят, соблюдают систему запретов, направленных на изоляцию от безбожного «мира» – не ходят в кино, театр, не читают светской литературы, не участвуют в общественной жизни, что действительно было распространено среди русских протестантов в советское время [Подробнее об этом см.: Никольская, 2009, 164–168].

Так, в фильме «Тучи над Борском» старшекласник Митя Саенко, воспитанный верующей тёткой, не вступил в комсомол, не ходит в кино, не посещает школьных мероприятий по воскресеньям, ни с кем не дружит, кроме Оли, которую надеется вовлечь в пятидесятническую общину. Подобным образом Груня («Люблю тебя, жизнь!») отказывается вступить в комсомол, а с фабричными работницами общается либо по необходимости, либо пытаясь заинтересовать их религией.

Для молодых сектантов изоляция от «мира» становится не всегда посильным бременем. Так, подруга Ксении Люба («Грешница») уходит из семьи и из церкви пятидесятников, потому что «молодость-то проходит». В том же фильме служители упрекают молодого «брата Евгения», которого видели в парке с девушкой-комсомолкой. Домника («Армагеддон») запрещает старшей дочери Наталице встречаться с неверующими подругами и особенно с любимым парнем Траяном, а младшую Веруцу учит, что «в куклы играть – идолам поклоняться». В сериале «Тени исчезают в полдень» Пистимея Морозова пытается оградить от «мирского» влияния сына Федю и дочь Варю. Правда, почти во всех случаях молодое поколение сектантов либо открыто выходит из подчинения старшим, либо ведёт двойную жизнь (например, Веруца тайно от матери играет в куклу).

«В кино нельзя, газировку нельзя! Прямо беда!» – жалуется Егорка на религиозные запреты («Люблю тебя, жизнь!»). По сути, после смерти деда его ничто не связывает со Свидетелями Иеговы. Мальчик быстро привыкает к новой жизни у Корнеевых и наотрез отказывается вернуться к опекуну Терентию. От его прошлого остаётся лишь привязанность к «тёте Груне».

В ином положении находится Володя-сектант («Жили были старик со старухой»). Он лишён общения с единоверцами. Никто не контролирует его поведение, но и не ободряет духовно. По сюжету вообще неясно, зачем парень приехал в далёкий заполярный посёлок из Ростова, где он мог найти подходящий круг общения. Он сам устанавливает христианские правила, которым следует упрямо и бескомпромиссно, пытается проповедовать окружающим. Сверстники-комсомольцы насмеются над Володей, не принимая парня всерьёз и не пытаясь понять. В местный клуб он приходит не ради танцев или кино («мирские» развлечения его не интересуют), а чтобы погреться: хозяева жилья, которое он снимал, в лютый мороз выставили его из дому, не желая, по выражению Володи, «слова Божьего слушать».

В отличие от молодых сектантов, люди зрелого и пожилого возраста, со сложившимися привычками и характерами, воспринимают свою удалённость от «мира» спокойно, как привычный и даже желанный образ жизни. В каком-то смысле их досуг проходит интереснее, содержательнее, чем у большинства сверстников-атеистов. Вместо телевизора, выпивки или сплетен на лавочке они посвящают свободное время чтению духовной литературы, молитвенным собраниям, церковным делам, помощи людям. Имея свой круг общения, они не остаются одинокими, получают поддержку от единоверцев и сами охотно отзываются на чужую беду.

Так, Домника («Армагеддон») навещает свою односельчанку Параскиву – одинокую вдову с детьми, помогает ей по хозяйству. Дед Егорки («Люблю тебя, жизнь!») перед смертью сообщает «слуге» Терентию, как распорядиться имеющимися деньгами (видимо, пожертвованиями). Целая «команда» пятидесятниц прихо-

дит на помощь Оле Рыжковой («Тучи над Борском») после того, как её отец попал в больницу: они наводят порядок к квартире, готовят обед и пекут пирожки, чтобы Оля могла угостить больного (из атеистов девушку навестила лишь учительница Кира).

Вера в Бога и принадлежность к общине повышают личное самоуважение сектантов: сколько бы горя, неудач ни хлебнули они в прошлом, они счастливы своей верой, тем, что нашли Бога, могут служить Ему и реализовать в общине таланты, невостребованные в «миру». Например, с точки зрения атеистического общества, тётка Мити («Тучи над Борском») не достигла в жизни почти ничего: у неё нет ни мужа, ни детей, ни образования, ни профессии. Между тем, в пятидесятнической общине она пользуется уважением и фактически является неформальной руководительницей. Она умеет найти общий язык со знакомыми и незнакомыми людьми, заинтересовать их духовными вопросами. «Побеседуют с тёткой – и легче им становится», – объясняет Митя Оле [Лунгин, Нусинов, 1966, 30]. Терентий («Люблю тебя, жизнь!») представлен человеком без прошлого, без семьи и профессии (упомянут лишь его приезд из Закарпатья), но в кругу единоверцев он – влиятельная фигура, а после смерти пожилого служителя (деда Егорки) становится его преемником.

Заключение

Таким образом, если религиозная жизнь сектантов выглядит в фильмах порой карикатурно, порой таинственно и жутковато, то их бытовая повседневность показана более-менее объективно и мало отличается от обыденной жизни неверующих советских людей (за исключением досуга). Большинство сектантов работают или учатся (исключение составляют заведомо отрицательные персонажи – нигде не работающие служители, живущие на пожертвования верующих). На работе сектанты выполняют свои обязанности честно и добросовестно, правда, при этом мужчины держатся более скрытно, чем женщины и девушки. По разным мотивам, одни сектанты маскируются, не желая привлекать лишнего внимания, другие открыто исповедуют свою веру. Оба типа поведения были характерны для реальных советских верующих [См.: Тепляков, 1965]. В личной жизни многие сектанты одиноки, однако имеют свой круг общения, жизненные цели, интересы, сохраняют самоуважение. Но если сектанты старшего и среднего возраста, в основном, довольны своим образом жизни, то для молодёжи он нередко становится тягостным. Противоречие между верой в Бога и стремлением к любви и земному счастью становится основой наиболее распространённых сюжетов. Показанные в фильмах традиции и правила жизни сектантов, система запретов и ограничений, хотя и с элементами гротеска, отражает реальную субкультуру русских протестантов советской эпохи.

Список сокращений

ВСЕХБ – Всесоюзный Совет евангельских христиан-баптистов
ЕХБ – евангельские христиане-баптисты

Фильмография

Армагеддон. «Молдова-фильм», 1962.
Грешница. «Мосфильм», 1962.
Жили были старик со старухой. «Мосфильм», 1964.
Конец света. Киностудия им. Горького, 1962.
Люблю тебя, жизнь! «Ленфильм», 1960.
По тонкому льду. «Мосфильм», 1966.
Тени исчезают в полдень. «Мосфильм», 1970–1971.
Тихая застава. «Молдова-фильм», 1985.
Тучи над Борском. «Мосфильм», 1961.
У призраков в плену. Киностудия им. Александра Довженко, 1984.
Цветок на камне. Киевская киностудия им. А.П. Довженко, 1962.

Библиографический список

1. Брянцев Георгий. По тонкому льду. – М.: «Правда», 1991. – 480 с.
2. Деяния Апостолов. Синадальный перевод.

3. Евангельские христиане-баптисты: 140 лет в России. – М.: Российский Союз ЕХБ, 2007. – 188 с., ил.
4. Евдокимов, Н. Грешница / Н. Евдокимов // Твори свою судьбу. Сборник. – Л.: Лениздат, 1985. – С.3–94.
5. Емельянова, И.И. Легенды Потаповского переулка: Б. Пастернак. А. Эфрон. В. Шаламов: Воспоминания и письма / И.И. Емельянова. – М.: Эллис Лак. 1997. – 396 с.
6. Иваненко, С. Свидетели Иеговы – традиционная для России религиозная организация / С. Иваненко. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 2002. – 208 с.
7. Иванов, А. Тени исчезают в полдень. Роман / А. Иванов. – М.: «Советский писатель», 1986. – 606 с., ил.
8. История евангельских христиан-баптистов в СССР. – М.: ВСЕХБ, 1989. – 624 с.
9. Лунгин, С. Тучи над Борском / С. Лунгин, И. Нусинов. – М.: Издательство «Детская литература», 1966. – 56 с.
10. Лунгин, С. Виденное наяву / С. Лунгин. – М.: «Искусство», 1989. – 240 с. [23] л. ил.
11. Никольская, Т.К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах / Т.К. Никольская. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. – 356 с., ил.
12. Новые кинофильмы в апреле // Звезда. Газета Касимовского горкома КПСС, городского и районного Советов депутатов трудящихся (Рязанская обл.). – 6.04.1961. – № 68. – С. 4.
13. Рекемчук, А. Двойное дно. Документальная повесть / А. Рекемчук. – Сыктывкар. Коми книжное издательство, 1958. – 56 с.
14. Тепляков, М.К. Почему они молятся тайно? (Об идеологии и обрядности некоторых религиозных сект) / М.К. Тепляков. – Воронеж: «Коммуна», 1965. – 21 с.
15. Федотов, И.П. Встать, суд идёт! / И.П. Федотов. – М.: ООО «Титул», 2006. – 336 с.

Текст поступил в редакцию 27.02.2023.

Принят к печати 27.03.2023.

Опубликован 21.12.2023.

¹ Организации Свидетелей Иеговы запрещены в Российской Федерации на основании решения Верховного суда РФ от 20.04.2017 N АКПИ17-238 об удовлетворении иска Министерства юстиции РФ о признании экстремистской организацией «Управленческого центра Свидетелей Иеговы в России» и входящих в её структуру на день предъявления иска 395 местных религиозных организаций Свидетелей Иеговы с обращением их имущества в доход государства.

² По данным ВСЕХБ, на 1 января 1959 г. более 200 тысяч членов были объединены в зарегистрированных общинах ЕХБ и около 100 тысяч в незарегистрированных [Евангельские христиане-баптисты, 2007, 155].

³ По данным ВСЕХБ, в 1975 г., через 30 лет после заключения Августовского соглашения, около 33 тысяч пятидесятников входили в общины Союза ЕХБ и свыше 20 тысяч находились «вне единства» [История, 1989, 406].

⁴ Августовское соглашение – письменный договор между руководителями ВСЕХБ и пятидесятническими епископами об условиях присоединения пятидесятников к Союзу ЕХБ, заключённый в Москве в августе 1945 г. Подробнее об этом см.: [Никольская, 2009, 139–141].

⁵ «Цветов было так много, что ни в комнату не заглянешь, ни на улицу не выглянешь» [Лунгин, Нусинов, 1966, 30].

⁶ «При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе» [Деян. 2:1].

⁷ В одноимённом романе А. Иванова Пистимея не ограничивается молитвами, а призывает дочь «тело своё на мощи святые высушить», фактически совершить самоубийство голодом [Иванов, 1986, 234].

⁸ Возможно, это не слишком нравится тётке Мити, которая, желая положить конец двойной жизни племянника, отправляет его выступить на атеистическом вечере «Внимание, сектанты!», фактически раскрыться перед всем городом.

⁹ В финале повести «Грешница» пёс Дармод, живой-невредимый, ластится к вернувшейся домой Ксении [Евдокимов, 1985, 90].

References

1. Bryantsev G. *Po tonkomu l' du* [On thin ice]. Moscow: "Pravda" Publ., 1991, 480 p. (In Russian).
2. *Deyaniya Apostolov. Sinodal'nyj perevod* [Acts of the Apostles. Synodal translation] (in Russian).
3. *Evangel'skie khristiane-baptisty: 140 let v Rossii* [Evangelical Christians-Baptists: 140 Years in Russia]. Moscow: Rossijskij Soyuz EKHБ, 2007, 188 p. (In Russian).
4. Evdokimov N. *Tvori svoyu sud'bu. Sbornik* [Create Your Destiny. Collection]. Leningrad: Lenizdat, 1985, pp. 3–94 (in Russian).

Религия и культура / Religion and Culture

5. Emel'yanova I.I. *Legendy Potapovskogo pereulka: B. Pasternak. A. Efron. V. Shalamov: Vospominaniya i pis'ma* [Legends of Potapovsky Lane: B. Pasternak. A. Efron. V. Shalamov: Memories and Letters]. Moscow: Ellis Lak, 1997, 396 p. (In Russian).
6. Ivanenko S. *Svideteli Iegovy – traditsionnaya dlya Rossii religioznaya organizatsiya* [Jehovah's Witnesses – religious organization traditional for Russia]. Moscow: Art-Biznes-Tsentr, 2002, 208 p. (In Russian).
7. Ivanov A. *Teni ischezayut v polden'. Roman* [Shadows disappear at noon. A novel]. Moscow: "Sovetskij pisatel'" Publ., 1986, 606 p. (In Russian).
8. *Istoriya evangel'skikh khristian-baptistov v SSSR* [History of Evangelical Christians-Baptists in the USSR]. Moscow: VSEKHB, 1989, 624 p. (In Russian).
9. Lungin S., Nusinov I. *Tuchi nad Borskom* [Clouds over Borsk]. Moscow: "Detskaya literature" Publ., 1966, 56 p. (In Russian).
10. Lungin S. *Vidennoe nayavu* [Seen for Real]. Moscow: "Iskusstvo" Publ., 1989, 240 p. (In Russian).
11. Nikol'skaya T.K. *Russkij protestantizm i gosudarstvennaya vlast' v 1905–1991 godakh* [Russian Protestantism and State Power in 1905–1991]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2009, 356 p. (In Russian).
12. *Zvezda. Gazeta Kasimovskogo gorkoma KPSS, gorodskogo i rajonnogo Sovetov deputatov trudyashhikhnya (Ryazanskaya obl.)* [Zvezda. Newspaper of the Kasimov City Committee of the CPSU, city and district councils of deputies of laborers (Ryazan region)]. April 06, 1961, no. 68, p. 4 (in Russian).
13. Rekemchuk A. *Dvojnoe dno. Dokumental'naya povest'* [Double bottom. Documentary story]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1958, 56 p. (In Russian).
14. Teplyakov M.K. *Pochemu oni molyatsya tajno? (Ob ideologii i obryadnosti nekotorykh religioznykh sekt)* [Why do they pray secretly? (On the ideology and ritualism of some religious sects)]. Voronezh: "Kommuna" Publ., 1965, 21 p. (In Russian).
15. Fedotov I.P. *Vstat', sud idet!* [Stand up, court is in session!]. Moscow: OOO "Titul", 2006, 336 p. (In Russian).

Submitted for publication: February 27, 2023.

Accepted for publication: March 27, 2023.

Published: December 21, 2023.